

УДК 316.75:39

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

К.М. Оганян, В.П. Бранский

Исследуется природа межкультурного взаимодействия с точки зрения его функционирования на определенной ступени его развития. Показано, что в основе межкультурного взаимодействия лежит влияние социальных идеалов в процессе формирования этнических стереотипов.

Ключевые слова: аналитический идеал; этническая дивергенция; этническая дифференциация; этническая интеграция; этническая конвергенция; закон релевантности; этнический стереотип; этнический процесс; норматив; модификация.

SOCIAL IDEALS' INFLUENCE ON FORMATION OF ETHNIC STEREOTYPES

К.М. Oganyan, V.P. Branskij

This article is devoted to research of the cross-cultural interaction nature from the point of its functioning at a certain step of its development. It is shown that the influence of social ideals in the process of ethnical stereotypes forming lies at the heart of a cross-cultural interaction.

Key words: analytical ideal; ethnic divergence; ethnic differentiation; ethnic integration; ethnic convergence; relevance law; ethnic stereotype; ethnic process; standard; modification.

Если ограничиться только перечисленными ранее десятью нормативами стереотипа бытового поведения (См. статья 1: Закон релевантности и интеграции идеалов поведенческих стереотипов) [1–3] и считать, что каждый из этих нормативов может быть подвергнут одной из трех указанных модификаций, тогда число модификаций, которые может испытать каждый стереотип (субстереотип), достигнет следующего значения:

$$N(1) = 3^{10} = 59049.$$

В случае этнических процессов, протекающих между двумя стереотипами (субстереотипами), множество новых стереотипов (субстереотипов), которые можно будет приготовить с помощью этих процессов, достигнет совершенно фантастической величины:

$$N(2) = 3^{10 \cdot 2} = 3.486.784.401.$$

Многообразие же этнических процессов, протекающих в общем случае, т. е. между произвольным числом t -стереотипов (субстереотипов), может быть представлено в виде следующей формулы:

$$N(m) = 3^{10 \cdot m}. \quad (1)$$

Однако это еще не все, что можно сказать о тезаурусе (“сокровищнице”) этнических процессов. Формула (1) допускает обобщение в двух направлениях. Во-первых, мы предполагали, что эт-

нический стереотип имеет 10 нормативов. Но это число может быть увеличено. Например, достаточно расшифровать более подробно такой норматив, как стиль общения, как число нормативов значительно увеличится. Во-вторых, мы считали, что каждый норматив может быть подвергнут трем модификациям. Но это число, вообще говоря, тоже может быть увеличено. С другой стороны, при анализе конкретных вариантов межэтнического взаимодействия могут быть и такие случаи, когда будет достаточно учитывать число этнических нормативов меньше десяти и число их модификаций меньше трех.

Принимая во внимание сказанное, мы можем записать формулу тезауруса этнических процессов, определяющих конкретный характер межэтнического взаимодействия, в следующем предельно общем виде:

$$N(m) = C^{s \cdot m}. \quad (2)$$

Здесь s – число нормативов в этническом стереотипе; C – число модификаций каждого норматива; m – число этнических стереотипов.

Хотя в таком огромном множестве будут встречаться не только разные, но и одинаковые стереотипы (субстереотипы), тем не менее, вероятность найти в нем стереотип (субстереотип), релевантный данному аналитическому идеалу, будет очень вели-

ка. Таким образом, богатейший тезаурус поведенческих стереотипов (субстереотипов), определяемый формулой (2), открывает действию закона релевантности широкий простор. Итак, каждый аналитический идеал инициирует во множестве субстереотипов (из которых состоит данный стереотип) такие этнические процессы, которые формируют новый субстереотип, релевантный данному аналитическому идеалу. Другими словами, *аналитический идеал*, если он не находит готового релевантного ему аналитического стереотипа, может приготовить (сформировать) новый *аналитический стереотип*.

Новый аналитический стереотип обладает новой пассионарной зоной, составляющей лишь часть пассионарной зоны исходного стереотипа. Сужение пассионарной зоны аналитического стереотипа связано с тем, что он формируется на основе субстереотипа, инициируемого аналитическим идеалом. А субстереотип, будучи разновидностью (вариацией) исходного стереотипа, присущ, по определению, меньшей этнической общности (меньшему количеству поклонников). Поэтому новому аналитическому стереотипу соответствует новый этнос, составляющий лишь часть исходного (глобального) этноса. Очевидно, что если *каждый* аналитический идеал осуществляет такую процедуру и находит релевантный ему аналитический стереотип со специфической пассионарной зоной, то конечным результатом будет *расщепление исходного стереотипа на множество новых и, благодаря этому, распад исходного этноса на множество новых этносов*. Следовательно, дифференциация социальных идеалов благодаря действию закона релевантности приводит к дифференциации поведенческих стереотипов, а вместе с тем, и к дифференциации этнических общностей (этносов).

Как известно, в этнографии и этнологии этот процесс получил название “этническая дивергенция”. Простейшим (и притом классическим) примером такой дивергенции может служить расслоение во II веке до н. э. древних иудеев на три самостоятельные ветви – саддукеев, фарисеев и ессеев [4, с. 49–51; 5, с. 308–312]. Характерно, что это расслоение было связано именно с расщеплением единого иудейского стереотипа поведения на три разных стереотипа¹. Разногласия возникли из-за того, как относиться к проблеме

¹ “... Фарисеи, саддукеи и ессеи *перестали ощущать свою общность* и начали видеть друг в друге либо отступников и изменников (отношение фарисеев и ессеев к саддукеям), либо дикарей (отношение саддукеев к ессеям...), либо оторвавшуюся от народа жреческую касту (отношение саддукеев и ессеев к фарисеям)” [6, с. 122].

согласования Моисеевых законов и народных обычаев, или, что то же, письменного и “устного”² Моисеева Закона. Саддукеи считали, что когда возникает противоречие между законом и обычаем, надо отдать предпочтение закону. Фарисеи, напротив, полагали, что приоритет должен принадлежать обычаю в следующем смысле: надо найти такую новую интерпретацию закона, при которой он бы не противоречил обычаю, хотя бы это достигалось ценой разного рода искусственных уверток и фикций. Наконец, ессеи считали, что избежать указанного противоречия можно, только изолировав себя от общества, порождающего это противоречие, т. е. удалившись в пустынную местность и ведя там аскетический и притом общинный образ жизни. Например, закон требовал от иудея при его общении с другими людьми строгого соблюдения правил ритуальной чистоты. Отсюда следовало, что нельзя было брать воду у язычника (как бы ни мучила жажда). Между тем, жизнь требовала общения с язычниками. И здесь писанный закон явно вступал в противоречие с жизнью. Несмотря на это, саддукеи настаивали на строжайшем соблюдении правил ритуальной чистоты; фарисеи – на смягчении этих правил, интерпретируя закон в том смысле, что он имеет в виду древних, а не новых язычников; ессеи же, изолируя себя от общения с язычниками, тем самым, превращали саму проблему “пития из рук язычника” в псевдопроблему.

Насколько практически важными были разногласия относительно стереотипа поведения между этими субэтнотами древнееврейского этноса видно, в частности из следующего. Саддукеи были против мелочной регламентации и множества дополнительных правил поведения в рамках древнееврейского общества, тогда как фарисеи не только настаивали на усилении мелочной регламентации и расширении множества правил, но довели это множество, в конечном счете, до 613 (!)³.

Более глубокий анализ этих разногласий в стереотипе поведения показывает, что они были связаны с фундаментальными разногласиями идеологического характера. Поскольку реализация идеала всегда связана с выбором между определяемыми этим идеалом добром и злом, то разногласия между социальными идеалами не-

² Под “устным” законом подразумевалось дополнение к первоначальному письменному закону на основе сложившихся народных традиций (обычаев).

³ Если добавить к перечню заповедей все подробные указания, связанные с их исполнением в определенном месте, в установленное время и т. д., то их общее число достигнет нескольких тысяч [7, с. 152].

избежно приводят к разногласиям во взглядах на “механизм” выбора в человеческой деятельности между добром и злом. Так, саддукеи считали, что этот выбор всецело определяется самим человеком (абсолютная свобода воли); фарисеи – что выбор лишь частично зависит от воли человека, а частично от божественного предопределения (“судьба”); ессеи – что он полностью зависит от этого предопределения и совсем не зависит от воли человека. Как далеко может зайти этническая дифференциация в рядах одного и того же народа и насколько острыми могут быть противоречия, связанные с различными аналитическими идеалами и поведенческими субстереотипами, показывает следующий эпизод. Саддукеи были против народного обычая возлияния (во время одного из праздников) воды на алтарь, поскольку в писаном Моисеевом Законе такого обряда не было. Фарисеи же настаивали на соблюдении этого обычая (он заменил древний обычай кровавых жертвоприношений). Поэтому когда в 95 г. до н. э. иудейский царь и первосвященник, следуя идеологии саддукеев, вылил воду в храм вместо алтаря на землю, присутствовавшие фарисеи стали забрасывать его и сочувствовавших ему саддукеев “райскими” яблоками (которые они по случаю праздника держали в руках). Тогда царь отдал приказ своей страже избивать фарисеев и рубить их мечами. В результате на алтарь было совершено возлияние не водой, а кровью. Это событие явилось поводом к жестокой субэтнической войне, которая продолжалась шесть лет и в которой погибло более 50 тыс. фарисеев.

Можно было бы привести много примеров этнической дифференциации, имевшей место в более поздние века. Достаточно упомянуть о постепенном расслоении древнеарабского этноса на пять субэтнических разновидностей – аравийский, сирийский, иракский, египетский и магрибский, – а также древнерусского этноса – на русскую, украинскую и белорусскую ветви. Таким образом, этническая дифференциация ведет, в конечном счете, к сегментации первоначального этноса и, выражаясь этнографическим языком, к сепарации (выделению) из данного этноса субэтносов и превращению их в самостоятельные этносы.

Поскольку дифференциация идеалов рано или поздно сменяется их интеграцией, а на смену множеству аналитических идеалов приходит (в конечном счете) один синтетический, то возникает следующий вопрос: каким образом этот синтетический идеал находит тот поведенческий стереотип, который необходим для его успешной реализации? Если раньше стояла задача применения закона релевантности к аналитическому идеалу, то теперь, очевидно, аналогичная задача возникает в приме-

нении к идеалу синтетическому. Здесь возможны два случая:

- синтетический идеал находит релевантный ему стереотип среди множества существующих аналитических стереотипов;
- при отсутствии такого стереотипа в готовом виде, он готовится (формирует) его путем взаимодействия (соединения или синтеза) существующих аналитических стереотипов (подобно тому как аналитический идеал готовит релевантный ему аналитический стереотип из субэтнических стереотипов).

Это приготовление предполагает инициирование таких этнических процессов между исходными аналитическими стереотипами, которые могут привести к образованию разнообразных синтетических стереотипов. Здесь действует тот же количественный закон, что и в сфере этнической дифференциации. Полагая число нормативов аналитического стереотипа равным десяти, а число модификаций каждого норматива трем, имеем:

$$N(m) = 3^{10 \cdot m}.$$

Здесь N – число синтетических стереотипов, которые можно *сконструировать* в данном множестве аналитических стереотипов, m – число аналитических стереотипов (а не этнических субстереотипов, как это было раньше).

Мы снова встречаемся с богатейшим разнообразием этнических процессов (форм межэтнического взаимодействия). Это делает вероятность нахождения стереотипа, релевантного новому синтетическому идеалу, столь же высокой, как и при поиске стереотипа, релевантного новому аналитическому идеалу.

Так как синтетический идеал обладает более широкой пассионарной зоной¹, чем те аналитические идеалы, на основе синтеза которых он сформировался, то релевантный ему синтетический стереотип тоже обладает более высокой общезначимостью, чем те аналитические стереотипы, из которых *синтетический стереотип был сконструирован*. Расширение множества пассионариев, которым присущ новый синтетический стереотип, эквивалентно формированию более обширной этнической общности, частями (фрагментами) которой оказываются аналитические этнические общности. Этот процесс является обратным по

¹ Поскольку синтетический идеал, как правило, соответствует *более общим* интересам, чем аналитический, то он предполагает расширение множества пассионариев, одержимых этим идеалом. Поэтому “пассионарный толчок” выглядит для постороннего наблюдателя как своеобразная “идеологическая эпидемия”.

отношению к этнической дивергенции (расщеплению этнической общности на субэтнические общности) и может быть назван этнической конвергенцией (интеграция, сплав, синтез этнических общностей).

Итак, интеграция идеалов, благодаря действию все того же закона релевантности, приводит к интеграции поведенческих стереотипов, а это, в свою очередь, ведет к интеграции множества этносов в новой суперэтнос.

Простейшим (и притом классическим) примером подобной конвергенции может служить решение Александра Македонского синтезировать в нечто единое (единый суперэтнос) греко-македонский и персидский этносы.

Практической реализацией этого плана явилось самое грандиозное свадебное событие, которое когда-либо имело место в истории. В 324 г. до н. э. в Сузах – одной из трех столиц бывшей Персидской империи – состоялось одновременное бракосочетание 10 тыс. представителей греко-македонской знати с 10 тыс. знатных персиянок. По замыслу Александра, поколение, рожденное от таких браков, должно было сочетать в своем поведенческом стереотипе черты греко-македонского и персидского стереотипов, причем не механически, а органически (ибо самый надежный этнический синтез осуществляется в детском возрасте). Более того, Александр продемонстрировал готовность личным примером способствовать формированию такого синтетического стереотипа: он, в частности, потребовал дополнить греко-македонские обычаи обращения подданных к монарху персидским обычаем “проскинесис” (глубокий земной поклон), что вызвало протесты и даже заговоры в рядах его греко-македонского окружения (это было следствием явно выраженного этноцентризма и этнонобизма, столь характерных для победителей).

По мысли Александра, синтез поведенческих стереотипов европейских и азиатских народов должен привести к слиянию завоевателей и завоеванных в один народ, “чтобы составить монополярную опору новому государству” [6, с. 103]. Согласно сообщениям античных историков, Александр следующим образом описал свою программу этнической интеграции (в речи на суде над теми, кто противился реализации этой программы): “Я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой... Меня обвиняют в том, что переносу в Македонию персидские нравы и обычаи. У многих народов нахожу то, чему нам не стыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными благами” [6, с. 86].

Ярким примером этнической интеграции в более поздние времена может служить история формирования итальянского, французского и английского этносов. Причем здесь мы встречаемся со сложным процессом многоступенчатого этнического синтеза. Так, в результате миксации (смешения) в VI–II вв. до н. э. древних италийских племен (латины, этруски, лигуры, вены и др.) формируется вначале древнеримский этнос. На основе же миксации в V–X вв. римлян с одной стороны, с рабами разного этнического происхождения, а, с другой, с древними германцами (вестготы, остготы, вандалы, лангобарды, франки), а также с присоединившимися к ним позднее византийцами и арабами сформировался итальянский этнос (XI–XIII вв.) [8, с. 533–537].

Смешение галлов, населявших в I в. до н. э. территорию современной Франции, с римлянами привело к образованию так называемых романизированных галлов; миксация же последних с той разновидностью древних германцев, которая состояла из вестготов, бургундов и франков, привела к формированию французского этноса (IX–XV вв.) [8, с. 340–345].

Совершенно аналогично миксация кельтов, населявших в I в. до н. э. территорию современной Англии, с другой ветвью древнегерманского этноса, (англы, саксы, юты) привела вначале к образованию так называемого англо-саксонского этноса (VII–X в.в.). Интеграция же последнего с франко-норманнами (в свою очередь, образовавшимися путем смешения франков и норманнов) привела в конечном счете к образованию английского этноса (XIII–XIV вв.) [8, с. 162–167]. Из изложенного ясно, что этническая дифференциация приводит рано или поздно к расслоению каждого этноса на субэтносы, а этническая интеграция – к объединению и слиянию соответствующих этносов в суперэтносы. Поэтому грань между субэтносами, этносами и суперэтносами оказывается (вопреки мнению некоторых теоретиков) не абсолютной, а относительной: одна общность легко может превратиться в другую, ибо процессы этнической дифференциации и интеграции *взаимосвязаны*¹. “Чистая” дифференциация и “чистая” интеграция суть лишь абстракции единого процесса *чередования* дифференциации и интеграции (причем, в общем случае, многоступенчатой дифференциации и многоступенчатой интеграции, что сильно затрудняет анализ этого процесса). Из сказанного

¹ О единстве дифференциации и интеграции в межэтническом взаимодействии См.: [9, с. 157–158]. Примером суперэтносов являются американский (США) и советский (СССР) народы.

ясно, что биологизация этноса, т. е. отождествление этнической общности с общностью происхождения (так называемая “общность генов”, проявляющаяся якобы в общности некоторых биологических признаков) совершенно несостоятельна. Так, для определения общности происхождения любых двух представителей одного этноса требуется выяснить общность происхождения их родителей (2^2); для установления общности происхождения родителей – общность происхождения дедов и бабок (2^4); для определения общности происхождения дедов и бабок – общность происхождения прадедов и прабабок (2^8) и т. д. В результате уже в десятом поколении придется рассматривать 2^{1024} индивидов. Но в таком гигантском множестве исчезнут всякие границы между первоначальными этносами (вследствие вовлечения в этот процесс представителей других этносов) и вопрос об общности происхождения потеряет всякий смысл. Характерно, что ответственность за этнические противоречия этническое самосознание обычно возлагает (вместо объективных различий в стереотипах поведения) на различия в биологическом происхождении – “мы лучше, чем они, ибо у нас лучшее происхождение” (вместо того, чтобы сказать – “мы лучше, чем они, ибо у нас лучше поведение”). Это типичный трюк этнического самосознания, неадекватно отражающего объективную природу этноса. Подобный трюк сильно затрудняет разоблачение неадекватности отражения.

Таким образом, закон дифференциации и интеграции идеалов в сочетании с законом релевантности приводит к следующему выводу фундаменталь-

ного значения: имеется тенденция к закономерному расщеплению единых стереотипов поведения на множество субстереотипов, к превращению этих субстереотипов в самостоятельные стереотипы и к последующему столь же закономерному слиянию этих стереотипов в суперстереотипы.

Литература

1. Оганян К.М. Жизненное проектирование: свобода и тайна личности / К.М. Оганян // Центры культуры и регионы России: Европейский Север: Материалы 5 Северо-Западного межрегионального теоретического научного семинара 25–27 января 2006 г. / отв. ред. Р.И. Трипольский. Мурманск: МГПУ, 2006.
2. Оганян К.М. Человек: единство сущности и существования / К.М. Оганян // Философия науки: перспективы развития. СПб.: СПбГУСЭ, 2010.
3. Оганян К.М. Философия человека / К.М. Оганян. 2-е изд. СПб.: СПбГИЭУ, 2011.
4. Каценельсон Л. Саддукеи / Л. Каценельсон. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. “Терра”. 1992. Т. 56.
5. Каценельсон Л. Фарисеи / Л. Каценельсон. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. “Терра”. 1993. Т. 69.
6. Ковалев С.И. Александр Македонский / С.И. Ковалев. Л., 1937.
7. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках / А. Штайнзальц. М., 1959.
8. Народы Зарубежной Европы. М. 1965.
9. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. М., 1989.